

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe@ieras.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA ST., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe-ins@mail.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

**Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»
(Выпуск II) № 15, 2025 (№ 383)**

**Российский вектор внешней политики правительства
Фридриха Мерца**

В.Б. Белов

Аннотация. 6 мая 2025 года бундестаг со второй попытки избрал Ф. Мерца федеральным канцлером и утвердил состав Кабинета министров. Новая коалиция, сформированная блоком ХДС/ХСС и СДПГ, унаследовала от прежнего правительства практически полностью разрушенные германо-российские отношения. Анализируя политические установки ключевых министров и логику внешнеполитических векторов, автор констатирует институционализацию стратегии «холодной отстранённости» в отношении России. Делается вывод о закреплении курса на сдерживание РФ в политико-дипломатическом и военно-стратегическом измерениях при возможном сохранении отдельных точек соприкосновения.

Ключевые слова: Германия, ЕС, НАТО, Россия, чёрно-красная коалиция, Фридрих Мерц, Ларс Клингбайль, внешняя политика, блок ХДС/ХСС, СДПГ, российский вектор.

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru.

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21520253744> EDN: <https://www.elibrary.ru/HAPYOW>

Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР №FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

«Российское наследство» для новой коалиции

Формально смена федерального правительства в ФРГ в начале мая 2025 года представляет собой классический сценарий демократического транзита: досрочные выборы, новая коалиция, переход власти от одной партии к другой. Однако в области внешней политики, особенно в отношении России, речь идёт не просто о смене акторов, а об усилении уже давно заданной антироссийской линии.

Кабинет Шольца передал чёрно-красной коалиции практически полностью замороженные политические отношения с РФ. После начала специальной военной операции и последующих событий 2022 г. по инициативе Берлина двусторонний диалог был обнулён по всем ключевым направлениям: прекращена работа профильных площадок (включая выход немецких участников из Петербургского диалога), основные германские партийно-политические фонды, ряд НКО и научных центров признаны в РФ нежелательными, а сами контакты между экспертными и гражданскими сообществами сведены к минимуму.

Экономическое взаимодействие сохраняется лишь на остаточном уровне – это, прежде всего, присутствие относительно ограниченного числа немецких компаний, продолжающих работу в России, и формально не запрещённая, но существенно упавшая в условиях санкций, внешняя торговля. Фокус смещён на постсоветские центральноазиатские и южнокавказские государства, в которых теперь активно продвигаются интересы немецкого бизнеса, ранее ориентированного на РФ.

В культурно-гуманитарной сфере ситуация не лучше: большинство совместных программ свернуто, а тема РФ, особенно перед нынешним юбилейным 9 мая, всё чаще становится маркером внутривнутриполитических антироссийских кампаний в ФРГ. Это проявилось, в частности, в медийной и политической атаке на партию «Альтернатива для Германии», 2 мая официально признанную Федеральным ведомством по защите конституции правоэкстремистской: фактор РФ пока не звучит, но его актуализация – вопрос времени.

Кабинет Мерца получает не просто «плохое наследство» в российском направлении, но и ситуацию, в которой любые попытки переосмысления внешнеполитического курса в отношении Москвы будут наталкиваться на институциональные, политические и общественные барьеры. В этих условиях и будет формироваться российский вектор внешней политики новой чёрно-красной коалиции.¹

Германо-российские отношения на начало мая 2025 года: статус глубокой заморозки

На момент формирования правительства Фридриха Мерца германо-российские отношения остаются в состоянии глубокой политической, институциональной и ментальной заморозки. В их основе – сочетание нескольких взаимодействующих факторов:

¹ Коалиционеры подписали согласованный 9 апреля и обсуждённый в партиях договор 5 мая 2025 г. Текст см.: Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 21. Legislaturperiode. URL: <https://www.cdu.de/app/uploads/2025/04/Koalitionsvertrag-2025-1.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

- *обнуление политического диалога*: двусторонние переговорные механизмы, включая регулярные встречи представителей правительств, спецпредставителей, межпарламентские форматы и каналы консультаций между МИДами полностью прекращены; никаких сигналов о попытках перезапуска даже на техническом уровне нет;
- *юридическая и институциональная эрозия связей*: подавляющее большинство ранее действовавших соглашений и программ либо приостановлено, либо более не действует; ограничена деятельность российских структур в ФРГ; ряд немецких организаций признан в РФ нежелательными; деятельность *DAAD, Goethe-Institut* и других немецких институтов осуществляется на российской территории в минимальном режиме;
- *экономическая адаптация*: по итогам 2024 г. внешнеторговый оборот между странами упал до исторического минимума, вернувшись к уровням начала 1990-х годов; Берлин – один из основных в ЕС идеологов санкционного давления на Москву; новые прямые инвестиции почти полностью остановлены, крупнейшие игроки завершили или заморозили деятельность, а оставшиеся германские акторы в РФ (например, *METRO, CLAAS*) действуют в режиме ограниченной локализации, без институциональной поддержки немецкой стороны;
- *региональный разворот Восточного комитета германской экономики (Ost-Ausschuss)*: руководство Комитета приняло решение о переориентации на регионы Центральной Азии, Кавказа и Восточной Европы, т.е. о переносе центра тяжести за пределы России и Беларуси; это более чем символический, по сути, практический отказ от прежнего стратегического приоритета;
- *культурно-гуманитарный спад*: программы школьного, университетского и академического обмена почти сведены к нулю; проекты научного сотрудничества либо не продлеваются, либо блокируются грантодателями; общий фон – антироссийская установка, транслируемая через германские медиа и политические силы, особенно накануне памятных дат, включая 8/9 мая;
- *психополитическая блокада*: медийный и экспертный дискурс в Германии исключил Россию из числа партнёров и склонен к её «демонизации»; мнения альтернативных экспертов, политиков или представителей бизнеса маргинализируются; РФ становится не просто объектом критики, но и важным элементом внутривнутриполитической мобилизации.

Итак, по состоянию на 6 мая 2025 года германо-российские отношения оказались не просто заморожены – они перешли в фазу институционального и ценностного отчуждения, где любые попытки перезапуска воспринимаются властями ФРГ как политически рискованные и репутационно токсичные.

Подходы ключевых фигур чёрно-красной коалиции к РФ: от стратегического дистанцирования к управляемой конфронтации

Формирование новой чёрно-красной коалиции открыло дискуссию о возможной трансформации внешнеполитического курса по основным традиционным векторам. За исключением России – в её отношении консенсус остался жёстким, сдержанным и антироссийски окрашенным, несмотря на смену лидера и партийной конфигурации.

Рассмотрим основных игроков, которые будут определять содержание российского направления ауссенполитик.

Фридрих Мерц – «прагматик без разворота». Новый канцлер избегает резкой риторики, но поддерживает принципиальные позиции европейской части коллективного Запада по Украине и санкциям. Будучи сторонником трансатлантической оси, он не демонстрировал интереса к нормализации с Россией даже в формате *selective engagement*. Его ориентиры – трансатлантическая безопасность, союзническая солидарность и внутреннее единство ЕС и НАТО.

Торстен Фрай – «тень Мерца» в Ведомстве канцлера. Фрай, близкий соратник Мерца, известен жёсткой позицией к России ещё в бытность спикером по внутренним делам. Он выступал за признание РФ «враждебной державой» и усиление разведывательного контроля. Его назначение сигнализирует: курс будет не мягче, а институционально крепче.

Ларс Клингбайль – вице-канцлер, министр финансов, стратег жёсткой линии. Это один из самых активных сторонников в СДПГ концепции «смены эпох» (*Zeitenwende*) бывшего канцлера О. Шольца. В 2022–2024 гг. он позиционировал себя как идеолог отказа от «восточной иллюзии», лично настаивал на пересмотре *Ostpolitik* и риторически заметно сблизился с консерваторами по российскому вопросу.

Йоахим Вадефуль – глава МИД. Один из самых последовательных антироссийских депутатов в ХДС. Поддерживал ужесточение санкций против РФ, активно выступал против любых форм «замирения». Его фигура олицетворяет институционализацию конфронтационного курса в дипломатии.

Борис Писториус – министр обороны. Сохранивший свой пост политик остаётся ключевым архитектором концепции модернизации бундесвера до 2030 года. В его заявлениях подчёркивается готовность к «военному сдерживанию» РФ, включая развертывание бригад в Литве, участие в планировании НАТО и расширение совместности с вооружёнными силами США. Именно Писториус первым допустил возможность прямой военной конфронтации в случае «дальнейшей агрессии России». Его роль – не просто техническая, а стратегически формирующая антироссийский консенсус, который усиливает военно-стратегический вектор в отношении Москвы, независимо от текущей коалиционной архитектуры.

Александр Добриндт – глава МВД. Под кураторством этого политика подконтрольные ему структуры, в т.ч. вышеупомянутое Федеральное ведомство по защите конституции, усилят наблюдение за теперь уже «правозэкстремистской» «Альтернативой для Германии», продолжат борьбу с «российским шпионажем» и контрпропагандой, а также ужесточат регуляцию общественно-политического поля в Восточной Германии. Это назначение усиливает роль Христианско-социального союза в сфере внутренней безопасности. Особенно показательна теневая роль *Маркуса Зёдера*, председателя ХСС и возможного координатора по вопросам защиты конституционного порядка. Считается, что именно баварский премьер курирует линию на систематическое ограничение пророссийского

дискурса. Среди прочего это проявляется в давлении на АдГ, контроле миграционного поля и расширении мандатов спецслужб.

И ещё одно важное замечание – в новом правительстве отсутствуют «мостостроители» (*Brückenbauer*). Ни в коалиционном соглашении, ни в составе Кабинета министров не просматриваются положения и фигуры, которые можно было бы ассоциировать с диалогом, бизнес-контактами или «реализмом» в отношении РФ (в духе «старых шрёдеровцев» или экономических прагматиков).

Таким образом, новая коалиция формально может использовать более взвешенную лексику, чем зелёные или Шольц в течение 2024 г., но её кадровая и идеологическая конфигурация делает любой отход от линии сдерживания маловероятным. Вопрос в том, сможет ли Берлин в будущем выстроить диалог с Москвой в условиях посткризисной Европы – или закрепится в парадигме долгосрочного стратегического противостояния с ней.

Тем не менее, позволим сделать одно замечание. Некоторые главы федеральных земель продолжают балансировать между федеральной антироссийской линией и прагматичной региональной политикой. Премьер-министр Саксонии Михаэль Кречмер, несмотря на вынужденную жёсткость последних заявлений в отношении российских дипломатов, ранее выступал за сохранение диалога с Москвой. Бургомистр Гамбурга Петер Ченчер с 2022 г. отказывается разорвать культурные связи с Санкт-Петербургом, подчеркивая важность «внегосударственного» уровня контактов. Это даёт некоторые основания говорить о потенциале «культурного регионального трека» как инструмента мягкой коррекции официального курса.

Россия в контексте основных внешнеполитических векторов правительства

Чёрно-красная коалиция приходит к власти с комплексом стратегических внешнеполитических приоритетов, которые прямо или косвенно затрагивают российский трек.² В этих векторах Россия не столько объект диалога, сколько фактор противодействия или элемент угроз.

Трансатлантический вектор: с Россией – «в пакете угроз». Курс Мерца ориентирован на глубокую координацию с США, включая военное, санкционное и технологическое взаимодействие. РФ рассматривается в контексте стратегического соперничества с «авторитарными державами». Поддержка Украины – часть трансатлантической солидарности, закреплённой в коалиционном договоре, несмотря на минимум прямых упоминаний России.

Китайская ось: РФ как «вторичный» элемент. Конфигурация антикитайской политики в ЕС и НАТО расширяется. В этом контексте Россия становится частью более широкой

² См. также: Белов В.Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ // Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) № 12, 2025 (№ 380). – С. 12-18. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics212202501218>

конструкции «сдерживания Востока». Для Берлина приоритет – сокращение зависимости от Китая, что, однако, не исключает продолжения диалога с Пекином. В отличие от Поднебесной, РФ не рассматривается как стратегический рынок – ни с экономической, ни с технологической точки зрения.

Центральная Азия и Кавказ: поворот Ost-Ausschuss к новой периферии. Формальное «расширение интереса» ФРГ в регионе связано с ускользающими экономическими каналами на евразийском континенте. Восточный комитет с 2022 г. переориентировался на поддержку немецкого бизнеса в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане, Азербайджане и Грузии. Де-факто это признание свернувшихся перспектив работы в РФ и попытка заместить российский рынок постсоветским «мостом к Индии и Китаю». В политическом плане – инструмент мягкого сдерживания влияния Москвы.

Украина: неотъемлемый элемент германской внешнеполитической идентичности. Коалиционное соглашение кратко, но ясно указывает на продолжение всесторонней поддержки Киева. Украина становится центральным элементом «европейской миссии» Германии. Любая потенциальная нормализация с Россией будет определяться украинским треком и вряд ли станет возможна без закрепления нового баланса сил в пользу Запада.

Балтийско-Скандинавский макрорегион (БСМ): фактор давления и милитаризации. После вступления Швеции и Финляндии в НАТО БСМ стал пространством новой архитектуры сдерживания. Германия активно вовлечена в логистику, разведку, инфраструктурные проекты (от портов до «цифрового щита»). РФ в этом контексте – противник по определению, и германская политика здесь наиболее жёстка и активна. При этом просматривается выстраивание «второй линии обороны» – в виде гуманитарных инициатив, включая вытеснение любых пророссийских НКО и мемориальных форматов.

Заключение: «Холодная отстранённость» как новая реальность

На старте своей работы правительство Ф. Мерца получает в наследство не только разрушенные германо-российские политические связи, но и институционализированное недоверие – подкреплённое санкционной политикой, сформированным негативным общественным мнением и внешнеполитическими обязательствами ФРГ. Коалиционный договор лишь косвенно отражает эту реальность: РФ в нём отсутствует как адресат диалога, но фигурирует как теневая переменная в ряде внешнеполитических и оборонных приоритетов.

Будущие шаги коалиции, скорее всего, будут строиться на основе следующих посылов:

- *идеологическая рамка:* комплексная поддержка Украины и санкционная консолидация против России рассматриваются как моральный и политический императив; возврат к *business as usual*, по убеждению Мерца и Клинтбайля, невозможен без смены власти в Москве или радикального пересмотра её курса;
- *институциональный сдвиг:* формирующиеся структуры внутри ЕС (Европейский оборонный союз, единый санкционный механизм, энергетическая автономия) системно

вытесняют возможность двусторонней нормализации; роль ФРГ как локомотива ЕС означает, что даже потенциальное смягчение позиции Берлина будет зависеть от Брюсселя, Парижа и Вашингтона;

- *бизнес и «остаточные интересы»*: германское предпринимательское сообщество остаётся в России в режиме «выживания в относительно комфортных условиях»; открытый лоббизм в Берлине в пользу восстановления экономических связей невозможен ни по линии Восточного комитета, ни в рамках ведущих групп интересов, например, *BDI* или *DIHK*; однако сценарий частичной нормализации (в сферах технологий, поставок оборудования, логистики) не исключён в среднесрочной перспективе, особенно в случае появления буферных форматов (например, через третьи страны или наличия спецрежимов поставок);
- *фактор исторической памяти и геополитики*: в условиях обострения неформальных сражений за прошлое (от Второй мировой войны до «новой идентичности Восточной Европы») историческая политика становится ещё одним контуром дистанцирования; попытки выстроить мосты через культуру, образование или науку сталкиваются с институциональными барьерами, созданными в 2022-2024 годах.

Несмотря на доминирование антироссийской линии на федеральном уровне, на земельном сохраняются отдельные попытки балансировки. В дополнение к вышеупомянутым Саксонии и Гамбургу, интерес представляет позиция отдельных представителей Берлина и Бранденбурга, поддерживавших ранее экономические форматы с РФ. Тем не менее, в условиях «психополитической блокировки» даже умеренные заявления региональных акторов подвергаются резкой критике.

Таким образом, курс Берлина на «холодную отстранённость» от России приобретает устойчивый, системный характер. Эта линия может быть скорректирована только в случае крупного внешнеполитического перелома, который изменит логику восприятия угроз и возможностей в Евросоюзе. До тех пор стратегия правительства Ф. Мерца будет оставаться не политикой диалога, а политикой контроля последствий конфликта.

Дата выпуска: 6 мая 2025 года.

The Russian Vector of the Foreign Policy of Friedrich Merz's Government

Author: Vladislav Belov, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract. On May 6, 2025, Bundestag elected F. Merz as Federal Chancellor and approved the composition of the Cabinet of Ministers. The new coalition formed by the CDU/CSU and SPD bloc inherited almost completely the destroyed German-Russian relations from the previous government. Analyzing political attitudes of key ministers and logic of foreign policy vectors, the author highlights the institutionalization of the strategy of "cold detachment" in relation to Russia.

The study concludes that Berlin is consolidating the policy of containment in political, diplomatic, and military-strategic dimensions, while keeping open limited opportunities for some interactions.

Keywords: *Germany, EU, NATO, Russia, black-red coalition, Friedrich Merz, Lars Klingbeil, foreign policy, CDU/CSU, SPD*

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21520253744> EDN: <https://www.elibrary.ru/HAPYOW>

<http://www.zapiski-ieran.ru>

Release date: May 6, 2025.